

к общему прототипу. И тот и другой варианты прежде всего замечательны тем, что удостоверяют факт бытования драмы о царе Ироде не только в виде приложения к «Царю Максимилиану», но и в виде совершенно самостоятельной, независимой от «Максимилиана», пьесы. Пьеса эта, как показывают обе записи В. А. Мошкова и вариант А. Малинки, помимо своего «основного сюжета», рождественской мистерии, имела и свою собственную серию дополнительных сценок интермедийного характера.

В историко-литературном отношении варианты В. А. Мошкова интересны: первый — сценой поединка двух воинов царя Ирода, второй — сценой прихода к Ироду волхвов.

Сцена прихода к Ироду волхвов большинству вариантов драмы неизвестна кроме В. А. Мошкова ее удалось видеть только А. Смирнитскому. В варианте А. Смирнитского волхвы, навестив Ирода и сообщив ему, что идут «поклониться новорожденному младенцу», уходят, и этим вся сцена заканчивается; в варианте В. А. Мошкова налицо весь комплекс мотивов традиционной драмы-игры: приход к Ироду волхвов, вызов книжника, удостоверяющего факт рождения царя иудейского в Вифлееме, поклонение волхвов новорожденному Христу. Обращает на себя внимание в варианте В. А. Мошкова эпизод вызова Иродом ученого «книжника». Хорошо знакомый нашим школьным драмам рождественского цикла,¹ этот эпизод вертепным текстам почти неизвестен; его знают только польско-украинская вертепная драма по рукописи конца XVIII в., изданная И. Франко,² и один белорусский вариант драмы, опубликованный Е. Р. Романовым.³

Сцена поединка двух воинов царя Ирода первого варианта В. А. Мошкова, частично известная и второму, интересна как пример, в особенности показательный, прямого воздействия на нашу драму «Царя Максимилиана». Сцены поединков, правда, знакомы и вертепному театру; в ряде белорусских текстов вертепного представления нередки случаи появления двух всадников, из которых один убивает другого, «Александр Македонский» — «Пора Индейского»; рыцарь христианский — турецкого; казак — турка.⁴ В данном случае мы, однако, имеем дело с заимствованием именно из «Царя Максимилиана», как видно из сравнения сцены поединка в записи В. А. Мошкова с одним из вариантов «Царя Максимилиана»:

Запись В. А. Мошкова Царь Максимилиан

Что я за воин, что я за герой, вот Я есть воин и герой! Стану я на
мое копые, вот моя защита, моего горы — горы трещат; гляну я на

¹ См. В. И. Резанов, *ibid.*, стр. 123—125, 159.

² И. Франко. До історії українського вертепа XVIII в. Львів, 1906 (Відбитка з «Записок Наукового Товариства ім. Шевченка», тт. LXXI—LXXIII), стр. 42—43.

³ Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 76.

⁴ См. Е. Р. Романов, *ibid.*, стр. 80 и 100. Ср. П. В. Шейн, «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», т. III, СПб., 1902, стр. 130—131; А. Тарнавский, «Вертеп в Духовщине». Киевская старина, 1883, № 3, стр. 664.